

ВОСПИТАННИК ПОЛКА

Я хочу рассказать о своем прадедушке. О нем я знаю много по рассказам прабабушки, дедушки и мамы.

Мой прадедушка Галченков Борис Семенович — участник Великой Отечественной войны. Еще будучи тринадцатилетним подростком он попал на фронт. А случилось это так...

Война только началась, а уже Галченковы недосчитались двоих членов семьи: в боях под Вязмой погибли глава семейства железнодорожник Семен Иванович и его старший сын Сергей, который в мирное время учительствовал в деревне Алексеевка.

Вслед за отцом и старшим братом на фронт ушли, кто добровольно, кто по повестке из военкомата, Александр, Михаил и Николай. Только тринадцатилетний Борис все еще жил в Мятлеве под материнским приглядом.

Вскоре в Мятлево вошли немцы, к которым Борис после гибели отца и брата питал лютую ненависть. И не только вошли, а поселились под одной крышей с Галченковыми. Хотелось им как-то навредить, дать почувствовать, что они тут не хозяева и даже не добрые квартиранты, а враги, с которыми разговор короток. Однолетки Бориса тоже придерживались такого мнения. И поэтому все они легко объединились в ребячью организацию мальчишей-кибальчишей, поклявшихся не давать гитлеровцам покоя. Они выкрадывали у врагов оружие, боеприпасы. Один раз даже пытались ликвидировать пулемет, установленный на чердаке крайнего дома, но неудачно. Как-то вечером один из постояльцев обнаружил случайно тайник Бориса, в котором хранились патроны и толовая шашка. Поднялся переполох. Хотели сразу тащить «партизана» в комендатуру, но потом отложили до утра. Говорят: утро вечера мудренее. Но в подобной ситуации эта пословица выглядела нелепо. Поэтому Борис еще ночью, воспользовавшись крепким сном приставленного к нему немца, сбежал из дома. После небольшого скитания по лесам наткнулся на красноармейцев и стал воспитанником полка. Командир определил подростка связным в зенитный батальон, в котором тринадцатилетний солдат наравне со взрослыми отстаивал свободу Родины.

Из нелегких солдатских будней дедушке чаще всего вспоминалась переправа через реку Припять под Мозырем. Был дан приказ зенитной батарее вместе с передовыми частями пехоты форсировать Припять и закрепиться на берегу, занятом противником. Немцы, почуяв неладное, начали сильный артобстрел переправы. Не спала и немецкая авиация. Бомбы сыпались как из рога изобилия. Вода кипела от взрывов снарядов и бомб. Повсюду плавали остатки лодок и плотов. Раненые и убитые солдаты шли ко дну. На глазах у дедушки одна зенитная пушка от взрывной волны, как игрушечная, легко приподнялась в воздух и рухнула в речную пучину, увлекая за собой обслуживающих ее солдат.

Орудие, к которому был прикреплен дедушка, удалось переправить до противоположного берега. Его установили возле взорванного железнодорожного моста. И еще несколько орудий благополучно форсировали реку. Теперь зенитчики могли помочь пехоте удержаться на захваченном пятачке, постепенно расширяя его. Они не давали возможности противнику безнаказанно вести огонь по переправившимся военным подразделениям ни с воздуха, ни с суши. Когда появились немецкие танки, зенитные орудия прямой наводкой стали обстреливать их и заставили повернуть обратно. Благодаря зенитчикам до самой темноты продержались на вражеском берегу передовые части советской армии. И это решило успех дела. Ночью вся армия форсировала Припять. За участие в этой операции дедушка был награжден орденом Славы III степени.

Долгое время воспитанник полка был солдатом саперной части. В ней он занимался разминированием полей, начиная от Спас-Деменска и кончая Белоруссией. И это была тоже ответственная работа. Ведь следом за саперами сразу выходили колхозники пахать свои земли.

Победу дедушка встретил в Кенингсберге.

После войны он вернулся в Медынь.

С детских лет его влекло к машинам. Поэтому никого не удивило, что гражданская профессия у него была связана с машинами. Сразу после войны он стал инструктором-водителем амфибий. Долгое время он работал в Медынской ПМК электриком-аккумуляторщиком. И никто в Медыни лучше его не мог определить и устранить причину поломки автомобиля или мотоцикла.

Фронтовые годы подорвали юношеское здоровье: окопная сырость, холод суровых русских зим, жестокая действительность были причиной того, что всю оставшуюся жизнь дедушка страдал тяжелой формой астмы.

Внукам о войне дедушка рассказывал неохотно. Но однажды на мамин вопрос: «Что на войне для тебя, дедушка, было самым страшным?» — дедушка ответил: «Рукопашный бой».

Дедушка был шутником, великим выдумщиком, затейником и мастером на все руки. Моя мама всегда вспоминает, как дедушка, чтобы удивить своих внучат, смастерил из металла Бабу-Ягу, раскрасил ее так, что она стала похожа на живую, и водрузил на крышу. С каждым дуновением ветра Баба-Яга, сидящая на метле, поворачивалась в разные стороны, и видно ее было издалека.

Я родилась уже после смерти прадедушки, видела его только на фотографии, но я люблю, когда мои близкие рассказывают мне о нем. Каждый год 9 мая мы приходим к дедушке на могилу, возлагаем цветы. И в гостях у прабабушки за праздничным столом мы вспоминаем дедушку и его рассказы о войне. Эта память для нас, правнуков, свята.